

Сандна Балыков (ЧСР)

МАТЬ

Табунщик Бальджир был заядлый охотник, не знавший ни отдыха, ни сроку. И зимой, и летом, во все времена года. Он вечно что-то выслеживал, за чем-то гонялся, стрелял, травил, ловил. Ехал ли в ночное дежурство при табуна в степь, возвращался ли в знойный день домой из табуна, его маленькие щелстые глаза неизменно шупали каждый куст в степи, каждую заросль камыша и чакана в пруду. Без старого шомпольного ружья за плечами и без двух тонконогих черных сабак редко можно было его увидеть.

Был конец жаркого сухого лета. Наш хотон, из двух десятков кибиток, стоял недалеко от Маныча. Начиналось время перелетов птиц. Целые тучи их делали кратковременный перевал в наших степях, а водяные птицы черными точками усеивали поверхность маньчжских заливных лугов.

Бальджир пропадал целыми днями и возвращался с добычей.

Однажды он подстрелил какую-то диковинную птицу. Это была большая белая птица, с густым, нежным и сверкающим оперением. Ножки ее были коротенькие, черные, с перепонками меж пальцев, а клюв имела длинный-предлинный, который заканчивался кружком, величиной с медный пятак.

Птицей заинтересовались. Собрались старики, начались всякие догадки и споры о породе этой птицы. Наконец, старик Цебек — большой сказочник и фантазер — ударил себя по лбу и громко воскликнул:

— Смотрите мужи! . . . Ведь это . . . «утка бессмертья!» Да — да, это — она . . . именно такую она описывается во всех сказах и легендах! . . . Множеству богов наше благодарение, великое счастье нам — кто съест хоть кусочек мяса этой утки, тот вечно будет жить! . . .

«Многознающему старику», как называли Цебека в нашем хотоне, никто не возразил: все как-то притихли, оглушенные величием момента.

Бальджир, владелец чудодейственной утки, аж побледнел; как-то поспешно взял в руки свою дичь, приказав жене разводиться огонь и греть воду, сам принялся наскоро щипать утку.

Выщипав перья и подпаливая на пламени пух, он угрюмо проговорил:

— Конечно, всем не хватит. Семья у меня большая — я с женой, трое детей, да пять душ в семье брата в станице. . .

— Ну, как же ты думаешь Бальджир, неужели всю утку своей семьей и скушаешь, на нас глядя? . . . Тут неважно наедаться, а достаточно и маленького кусочка, хотя бы с лесной орех величиной, чтобы стать бессмертным . . . Как хочешь, я то уж имею право на кусок, потому что я угадал — проговорил старик Цебек.

Тут и другие соседи вступились. Весть, что Бальджир поймал утку бессмертия, мигом облетела соседей. Скоро в кибитку Бальджира собрался весь хотон. Напор соседей, желающих стать бессмертными, был настолько велик и настолько убедительно каждый доказывал свои хорошие отношения с семьей Бальджира, что супруги уже отказались от мысли послать чудодейственную утятину семье брата в станицу и сами согласились на кусочки с орех, чтобы возможно большее число душ сделать бессмертными.

Но и такая жертвенность супругов не спасла положение. Мяса, все равно, всем не хватало. Волей-неволей, одних пришлось облагодетельствовать вечной жизнью, а других обидеть, обрекая их на неизбежную смерть.

То было у нас памятное событие. Было отчего нашему хотону шуметь и волноваться! . . .

В тот памятный день, как на грех, нашей матери не было дома. Она с утра поехала верхом в соседний хотон, чтобы навестить свою двоюродную сестру. Отец же наш не был табунщик. Он служил в экономии, а потому в хотоне бывал редко, да и то приезжал только на ночлег. Дома нас было трое детей: старшая сестра, уже просватанная барышня, я, мальчик пяти, кажись, лет, и Дорджи, ребенок, который только начинал говорить. Старший брат, ездок, был где-то в городе на скачках с хозяйскими лошадами.

Когда делили утку бессмертия, ясно, что нам ничего не досталось. Сестре, как девице, нельзя было слишком смело соваться в многолюдное общество. Дорджи к вопросам вечной жизни был еще равнодушен. Я же напрасно крутился вокруг хозяйки, жены Бальджира, подкашливал громко, и словечко иногда вставлял, чтобы обратить на себя внимание, но все было напрасно. Меня не замечали. Кибитка была полна возбужденными людьми, для которых буквально шел вопрос —

быть обыкновенным смертным или стать бессмертным. Понятно, что о нас, о чужих детях, никто не позаботился.

Унылые и обиженные мы вернулись втроем в свою кибитку. К вечеру, когда солнце клонилось к горизонту, вернулась наша мать. Конечно, мы наперебой рассказали ей о великом событии в хотоне. Наше сообщение громом поразило ее. Помню как она с лица изменилась и тихо прошептала:

— О боги, боги . . . ели мясо утки бессмертия, а моим детям не досталось ни одному . . . Это нечистый меня толкнул на поездку . . .

Надо сказать, что мать моя в хотоне была влиятельной женщиной. Кажется мне, что она была в нашем хотоне умной и энергичной женщиной, если вспомнить, что к ней за советами приходили не только все хотонные бабы, но иногда и мужчины в трудных случаях. А отец наш всегда делал только то, что прикажет мама.

Приведя себя в порядок, моя мать, взяв меня за руку, пошла в кибитку Бальджира.

— Пришла я поблагодарить тебя Бальджир, и тебя Каляш (жена Бальджира) за то, что раздавали всему хотону бессмертие и моих детей не обошли — саркастическим тоном начала моя мать, войдя в кибитку Бальджира . . .

— Пожалуйста простите нас Ниме (так звали мою мать), было столько народу, все так приступали к горлу, что мы и сами едва достали по кусочку — начал оправдываться Бальджир.

— Да не оправдывайся ты, когда тебе в по-запрошлое лето нечего было доить, и твои дети были без молока, кто тебе из соседей пригнал двух дойных коров на целое лето от весны до осени? . . . У кого вы одалживаете всегда коня на поездку, кто вам позывает деньги, кто вас, кроме меня, поддерживает в нужде? . . . А теперь вам представился единственный случай, когда могли меня осчастливить, вы позабыли о моих детях!??..

Дальше голос моей матери оборвался, и она умолкла, утирая катящиеся слезы . . .

— Ну, пусть будет так . . . даже в день Святого Праздника нога моя не переступит порог твоей кибитки! — обиженно проговорила моя мать, направляясь к двери.

— Да нет, постойте Ниме . . . вы, действительно, всегда была к нам как родная, мы не можем обижать вас — заговорил Бальджир и, обращаясь к жене, решительно сказал: — Ты, отмыкай сундук, да отдай Ниме тот кусочек мяса, что припасла для будущего ребенка! . . . Хватит нам и трех бессмертных детей.

Жена Бальджира с явной неохотой открыла сундук и молчаливо протянула моей матери кусочек мяса величиной с орех.

Тут уж моя мать была растрогана такой жертвенностью супругов и горячо благодарила их. Радостные пошли мы с матерью домой.

— Ну, дети, идите сюда! . . . Да будет над нами милость высших, да здравствует Бальджир с детьми — удалось мне, таки, достать кусок утятини бессмертия . . . — радостно говорила мама, собираясь делить и без того крохотный кусочек мяса.

— Что вы делаете! . . . Это-ж кусок только для одного!.. Разделите его на еще мелкие куски, так он не будет иметь действия — заметила моя сестра.

— Да что ты говоришь, глупая девочка, кто тебе это говорил? — испугалась мать.

— Слышала я, как старик Цебек говорил днем, что на одного человека нужен кусок с орех. Значит — меньше нельзя! ? — отвечала сестра.

— Пойди позови старика Цебека. Скажи, что мама приглашает на чашечку раки, что из гостей привезла.

Старик не заставил себя ждать.

Налив ему полную чашку раки, мать навела разговор на вечную утятину и прямо спросила — можно ли порцию мяса с орех величиной разделить на четыре-пять частей? . . .

Подумав, старик Цебек ответил, что во всех сказах и легендах не упоминается порции меньше ореха, а потому, чтобы зря не загубить драгоценное мясо, лучше такой кусок дальше не дробить.

Я помню, как изменилась в лице наша мать, какое огорчение и мучение выразилось на ее лице.

Когда старик ушел, долго сидела она, глубоко задумавшись. Важность происходящей у нее душевной борьбы, как будто, поняли и мы, дети, потому что мы все трое выжидательно молчали.

Хотелось, видимо ей и самой стать бессмертной. Перед нею стояли трое ее детей: „Как быть и кому отдать предпочтение?“ — вероятно, думала она.

Всех нас она без ума любила. И старший сын, ее первенец, был гордостью матери. С безобидным отцом моим она также жила много-много лет в тихом ладу. А кусок, несущий бессмертье был только один и для одного!...

Трудная настала минута для нашей мамы, без сомнения верящей в чудодейственность этого кусочка мяса. То было давно. Люди тогда были простые, верующие, суеверные, боявшиеся и бога и черта.

Долго сидела она в мучительном сомнении, но, наконец, проговорила:

— Иди сюда ты... ты в самом центре моего сердца — и протянула мне уже суховатый кусок утиного мяса...

С „утки бессмертия“ теперь, конечно, мне смешно. Тогдашнее население нашего хотона давно уже повымерло. Ка- жисе, только я и остался в живых. Но как вспомню, как моя суеверная и наивная мать в мучительном для нее выборе — кому быть вечно живым из нашей семьи — выбрала меня, и сейчас тепло становится на душе от той великой материнской любви, равной которой нет на земле.

В. В. К.

НАША СТЕПЬ

Широка наша степь
И простор в ней какой.
— В целом свете и нет
Нигде больше такой...
На рассвете ковыль
Всколыхнется седой,
Да песочную пыль
Кинет ветер шальной.
Золотые лучи
Солнце бросит по ней,
А вдали пролетит
Табун резвых коней.
Застрекочет в траве
Хор кузнечиков вдруг,
И ввыси, в синеве
Сокол сделает круг...
Эх!... Та степь вдалеке...
Оседлать бы коней
Да, пригнувшись к луке
Проскакать бы по ней.
Жуть нагнать бы, в степи
Обнаглевшим врагам,
Отомстить за грехи
Краснобелым волкам.
Разметать бы в злобе
Рать сермяжных полков,
Что расселись в стране
Вековой Казаков...
Широка наша степь...
Не забудем тебя,
И росейскую клятву
Разобьем мы шутя...

Г. М. Александрин (Болг.)

ИЗ РОДНЫХ КАРТИНОК

Раскрасавица девица
Несет завтрак на покос.
Недалеко от станицы
Идет жаркий сенокос.
На ней косыночка белеет.
Завязан бантик на косе.
Ее ленточка алеет.
След ложится по росе.
Там, косой звеня, в лампасах
Косят сено казаки.
В распоясанных рубахах
Косой машут старики.
Девица вышла очень рано,
Чтоб пройти ей холодком.
Несет она блинцы в сметане
Несет и пышки с каймаком.

Николай Келин (ЧСР)

За былую славу,
За степной обычай,
Развернем знамена
Дедовских времен,
И взволнуем груди
Нашим грозным кличем,
Кличем буйной воли
Глыбы развернем.

Гей, Москва, не чванься
Сталинской острасткой.
Нет на свете силы,
Равной казакам.
Вновь мы вспеним море,
Вновь чудесной сказкой
Загорится в мире
Слово — Атаман!

Помни! В каждом вздохе,
В каждой нашей мысли
Бьется жажда к Воле,
Дремлет слово — Степь.
Пусть над старым Доном
Коршуны повисли,
Но разгонит тучи
Разинская крепь!...

В каждом казачонке —
Глянь живет Кондратий,
В каждом нашем взгляде
Чудится Пугач.
Скинем с Края цепи
Вековых проклятий,
Снова над майданом
Заблестит Пернач!...

† Ив. Томаревский

Наш долг — с рожденья до могилы
Стоять за Волю, Честь свою,
Быть тем, чем прежде все мы были
В родном Казачества краю.
Мы все должны идти стезею
Свободы, Права для людей,
Иметь свое, лишь, не чужое
На лоне дедовских степей.
Наш долг — напрячь ума все силы,
По духу быть за свой народ,
Ему быть верным до могилы,
Как целям всех его Свобод.
Чужое иго — зло природы,
Оно нам — цепи и ярмо,
Для нас, казачьего народа,
Лишь рабство вечное оно.

* * *

Мрак на душу мою сеть накинул,
Обступает со всех сторон,
Гнут невзгоды прямую спину,
Похоронный гудет звон.

Ни минуты нет просвета,
Жмет тоска наболевшую грудь.
Уведи меня, ангел светлый,
Хоть куда... хоть куда-нибудь...

Ведь и я человек и слабый,
Сердце все я отдал степям...
Ну, кому... ну, кому это надо,
Чтобы кровь лилася там?!

Милый Дон — Ты живешь, я знаю...
Славный Дон — тепловодная лень,
Тяжело мне под солнцем мая
О тебе грустить и петь...

Ах, не верю, не верю, не верю...
Всколыхнется пожарами степь,
Он придет — этот праздник преддверий,
Раззвучит онемевшую медь...

Чую я колокольные звоны,
Над шляхами широкий намет,
И струящие славу знамена
И свободный казачий народ.

Плачу!...

Боже, правый!... Плачу!...
Ведь это моя больная
Душа бредит...

2.V.34.

(из сборника стихов, подготовляемого к изданию)

Свобода наша — Казакия
Держава древняя в степи,
А что рабство есть Россия
В былом и нашем во все дни.

Мы, все живущие на свете,
Кто носит имя — Казака,
Перед потомками в ответе
За все свершенные дела.

Наш долг для каждого священный,
Народ свой вывести на путь
Свободы, равенства без терний,
Что есть и жизни самой суть.

Наш долг — напрячь ума все силы,
Избавить Родину, Народ
От ига тяжкого России,
Чтоб вольными быть наперед.